

С. Г. и другие против Болгарии
[C. G. and Others v. Bulgaria] (№ 1365/07)

Постановление от 24 апреля 2008 г. [вынесено V Секцией]

Обстоятельства дела

Первым заявителем по делу выступает гражданин Турции, который поселился в Болгарии в 1992 году и женился на болгарской гражданке (вторая заявительница), от которой имеет дочь (третья заявительница). Он получил постоянный вид на жительство в Болгарии. В 2005 году его вид на жительство был прекращен, и в его отношении был принят приказ о депортации, поскольку он представлял угрозу для безопасности государства. Решение, основанное на соответствующих положениях закона о статусе иностранных граждан, содержало ссылку на секретный доклад органа внутренних дел г. Пловдива, но не указывало фактических причин депортации.

9 июня 2005 г., в 6 ч. 30 мин., первый заявитель был вызван в полицейское отделение, где ему вручили приказ о депортации и задержали с целью высылки. Его депортировали в Турцию в тот же день, не разрешив связаться с адвокатом или женой и дочерью. Поданная затем жалоба в Министерство внутренних дел была отклонена. В последующем судебном разбирательстве болгарские суды отклонили жалобы первого заявителя на незаконность высылки. Их решения были основаны на информации, содержащейся в докладе Министерства внутренних дел, согласно которому в результате негласного наблюдения была установлена причастность первого заявителя к незаконному обороту наркотиков. На этом основании суды отказались от дальнейшего установления обстоятельств дела заявителя или исследования иных доказательств. После депортации первый заявитель виделся с женой и дочерью несколько раз в год в Турции. Они также поддерживали связь по телефону.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции. Первый заявитель законно проживал в Болгарии до депортации в 2005 году, а после этого мог видеться с женой и дочерью лишь от случая к случаю в течение коротких промежутков времени. Таким образом, депортация представляла собой вмешательство властей в осуществление заявителями права на уважение семейной жизни. Даже если речь идет об обеспечении государственной безопасности, меры по депортации должны основываться на какой-либо форме

состязательного разбирательства в независимом органе или суде, уполномоченном осуществлять эффективный контроль оснований для таких мер и проверять относимые доказательства при необходимости с надлежащими ограничениями на использование секретной информации.

В настоящем деле решение о депортации первого заявителя не содержало фактических оснований, а лишь цитировало соответствующие положения законодательства, касающиеся серьезных угроз для государственной безопасности. Этот вывод был основан на неопределенной информации, содержащейся в секретном докладе. Поскольку первый заявитель не получил даже минимальных пояснений в отношении того, почему он представлял угрозу для государственной безопасности, он не мог привести надлежащие доводы в жалобе или при последующей судебной проверке. Более того, в этих разбирательствах болгарские суды подвергли решение о депортации исключительно формальной проверке, отказавшись рассматривать доказательства, которые могли подтвердить или опровергнуть обвинения в отношении первого заявителя, и основали свои выводы исключительно на неподтвержденной информации из секретного доклада, составленного по результатам негласного наблюдения. Кроме того, болгарское законодательство о таком наблюдении не предусматривало минимальных гарантий, установленных статьей 8 Конвенции, например, обеспечения добросовестного воспроизведения оригинала письменного доклада о специальном наблюдении или установления надлежащих процедур защиты целостности таких данных. Вместе с тем в материалах дела заявителя отсутствовала информация о том, были ли меры по негласному наблюдению законно разрешены и осуществлены, или даже о том, рассматривался ли этот аспект судами. Наконец, во время судебной проверки выяснилось, что вывод о том, что первый заявитель представляет угрозу национальной безопасности, был основан лишь на его предполагаемой причастности к незаконному обороту наркотиков.

Европейский Суд полагает, что подозрения в отношении первого заявителя – даже самые серьезные – нельзя обоснованно рассматривать как потенциальную угрозу государственной безопасности Болгарии. Таким образом, болгарские суды не подвергли серьезной проверке подозрения в отношении первого заявителя. Несмотря на формальное право требовать судебной проверки приказа о депортации, первый заявитель не пользовался минимальной степенью защиты от произвола. Следовательно, вмешательство со стороны властей в семейную жизнь заявителя не «соответствовало закону» в значении статьи 8 Конвенции.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. Иностранцы граждане, проживающие на законных основаниях на территории государства, ратифицировавшего Протокол № 7 к Конвенции, пользуются при депортации определенными процессуальными гарантиями, такими как знание причин высылки и проверка ее законности. В настоящем деле болгарские суды отказались собирать доказательства, подтверждающие подозрения в отношении первого заявителя, и их решение было формальным, в результате чего он не мог воспользоваться правом на судебное слушание или проверку законности высылки, как предусмотрено подпунктом «b» пункта 1 статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. Таким образом, его высылка не «соответствовала закону». Более того, поскольку первый заявитель был выслан в день получения им приказа о депортации, он мог обжаловать принятые против него меры лишь из-за границы.

Статья 1 Протокола № 7 к Конвенции допускает такую ситуацию, но только в случаях, когда высылка была «необходима в интересах общественного

порядка» или «основана на причинах, связанных с государственной безопасностью». Европейский Суд установил ранее, что депортация первого заявителя не была основана на каких-либо действительных причинах, связанных с государственной безопасностью. Более того, из материалов дела не следует, и государство-ответчик не привело убедительных доводов, подтверждающих, что в интересах общественного порядка действительно было необходимо депортировать первого заявителя незамедлительно. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что первому заявителю не была предоставлена возможность реализовать свои права до высылки из Болгарии.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции (принято единогласно).

Европейский Суд также установил по делу нарушение требований статьи 13 Конвенции.

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд присудил выплатить первому заявителю 10 000 евро, а второй и третьей заявительницам 6 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.